

КАТАХРЕЗА В ПОЭТИКЕ АЛЕНА БОСКЕ

Катахреза является одной из наименее изученных фигур. Она представляет собой сочетание несовместимых, но не контрастных слов в значениях, им не принадлежащих, которые представляют своеобразное смысловое единство и создают образ: “Toute la vie on a mangé le pain d’urine/et à chaque repas on a bu les insultes/du vieux patron ...” (А. Bosquet).

В риторике и стилистике нет единой точки зрения на природу катахрезы как стилистической фигуры и, соответственно, не существует и общепринятого ее определения [1-8]. Вслед за Э.М. Береговской [9] мы относим катахрезу к тропо-фигурам, некоей переходной форме от тропа к фигуре, учитывая ее сильную семантическую, морфологическую и структурную обусловленность.

Катахреза не относится к частотным стилистическим фигурам. Однако есть поэты, для которых характерно пристрастие к экспрессивному синтаксису вообще и к катахрезу в частности. Среди французских поэтов можно отметить Алена Боске, Лео Ферре, Сержа Гензбура, Эме Сезера, Клода Руа и других.

Остановимся подробнее на творчестве Алена Боске. Выбор его поэзии в качестве материала для анализа объясняется, прежде всего, частотностью исследуемой фигуры. Однако количественная характеристика – первая, но далеко не главная причина нашего выбора. Нам показалось интересным проанализировать функционирование катахрезы на материале текстов поэта известного, но изученного недостаточно.

Материалом для исследований послужили сборники стихов Алена Боске: *Demain sans moi: Poèmes* (1994); *Je ne suis pas un poète d’eau douce: Poésies complètes* (1945-1994) (1996); *Sonnets pour une fin de siècle* (1980).

Ален Боске (Анатоль Биск) (1919-1998 гг.) – деятель культуры, эссеист, литературный критик, переводчик, романист и, прежде всего, поэт – одна из примечательных и вместе с тем мало изученных фигур французской литературы. Его творчество берет истоки из сюрреализма и идей Андре Бретона, назвавшего однажды его стихи “прекрасным совершенством”, однако выходит далеко за рамки сюрреалистских идей и настроений. Принципиально отделив себя и от политической, и от философской проблематики, веря лишь в одну вещь – в литературу и искусство, Ален Боске – поэт не принадлежит ни к каким литературным группам и течениям, а его поэзия является своеобразным прорывом к поэзии будущего (“*tout poème est de demain*” (А. Bosquet)).

Проблемы страшного XX века, духовный мир человека занимают Боске главным образом. Поэзия для него – противовес масс-культуре. Сам поэт объяснял: “Наиболее страшная, грубая правда в том, что я страдаю от многих умираний – тела, памяти, языка, человечности. <...> Сейчас человек может прикончить человечество. Экзистенциализм не греет меня. Я хочу противостоять абсурду. Поэзия – это завтрашняя правда” [10 : 8].

Отбор лексики стихотворений подчинен размышлениям о главном. Боске постоянно возвращается к одним и тем же образам и сюжетам. И в этом одна из особенностей его поэзии. Развивая какую-либо свою основную тему, он использует ключевые образы и сюжеты, которые проходят через весь сборник, – это образ Бога, Человека и Поэта.

Главенствующее положение в этой триаде образов занимает образ Поэта, который присутствует повсеместно в стихотворениях Боске. Автор индивидуален и в то же время социален. Довольно часто в своих поэтических книгах он избегает местоимения “я”, заменяя его местоимением “ты”, “он” либо меняя “я” на “мы” или “вы”, апеллируя не к одному человеку, а ко многим людям. Мир вещей и ощущений, как говорит поэт в одном из предисловий к своим стихам, становится “диалогом для одного голоса, “я” прячется и нападает на “ты” (“мы” или “он” и т.п.), “на которое оно сваливает всю ответственность...”

Поэту некогда скучать, мир в любое мгновение ему интересен, но в нем все так запутано, что поэт обращается не к богам, а к человеку. Человек – это центр, это древний Адам, противопоставленный Богу. Теме их постоянного состязания, борьбы посвящены как отдельные стихотворения, так и целый цикл стихов “*Le tourment de Dieu*”.

Образ Бога встречается под разными именами: Dieu, Jésus, Christ, Seigneur, Monsieur, Monsieur l’Auteur, Maître. Если исследуемые нами поэтические тексты Боске принимать за 100 %, то почти в 20 %, то есть в каждом пятом стихотворении упоминается Бог.

* © О.Л. Якутина, Смоленская академия права и управления, 2006.

Словарь лирики Боске представляет собой сложный лексический конгломерат. Повторяющиеся образные соответствия, связывающие разные реалии, принадлежат к семантическим полям “Человек”, “Бог”, “Животное”, “Птица”, “Явления природы”, “Поэт”, “Экзистенциальные понятия”. Характерной чертой стиля Боске является то, что в его лирике нельзя выделить отдельную группу пейзажных, лирических и т.п. стихов. Все они тесно переплетаются между собой, образуя немислимые образы, гармонично вписываясь в эстетическую систему поэта. Тем не менее одна из самых многочисленных – группа лексем, относящихся к природе. Анализ стихотворных текстов Боске показывает, что у него нет четко выраженного преобладания флоры или фауны, а гиперонимы встречаются так же часто, как и гипонимы. Стихи Боске населяют *les animaux (bêtes): souris, écureuil, chien, chat, mouton, jument, loup, tigre* и *les insectes et les reptiles: papillon, guêpe, scarabée, araignée, grenouille, lézard*. Здесь растут *les arbres: pommier, platane, peuplier, chêne* и *les fleurs: rose, lilas, orchidée, tulipe*. Пейзаж Боске – это чаще всего *presqu'île, île, ocean, fleuve, montagne*.

Большой культурный слой входит в поэтику А. Боске как органичная часть его собственного мира, а также мира читателя, к которому обращена его поэзия. Это выражается, прежде всего, в большом количестве антропонимов и топонимов.

Творчество Алена Боске – попытка разгадать жизнь, эту “глоссолалию имен, загаданных нам небом или всплывших из подсознания” [11, с. 5]. Его антропонимы представляют разные сферы мировой истории, мифологии, философии, литературы, живописи, архитектуры, музыки и т.д. Самый длинный ряд антропонимов включает писателей и поэтов: Shakespeare, Goethe, Lord Byron, Maupassant, Mallarmé, Apollinaire, Aragon, Paul Claudel, Victor Hugo, Racine, Corneille, Molière, Camus, Sartre, Emily Brontë, Edgar Poe, Gogol, Pouchkine, Lermontov, Maïakovski, Essenine и др. Говоря словами самого поэта, “votre liste est si longue” (“La longue liste”). Несколько меньше ряд, включающий выдающихся деятелей искусства: Franz Schubert, Strauss, Paganini; Velasquez, Raphaël, Michel-Ange, Picasso, Rubens, Renoir, Van Gogh, Léonard de Vinci, Delacroix и многие другие.

К этим знаковым для Боске антропонимам примыкает группа исторических лиц и литературных героев, в которую входят Jeanne d’Arc, Alexandre le Grand, Charlemagne, Bonaparte, Louis Treize, Henri IV, François I-er, Robespierre, Hitler, Lénine, Staline, de Gaulle; Hamlet, Desdémone, Iseult.

Топонимы Алена Боске дают точную и яркую характеристику пространства его поэтических текстов, а также эпохи, в которую жил и работал поэт.

Довольно часто Боске выносит антропонимы и топонимы в самую сильную позицию – в заголовок: “Mozart”, “En souvenir de Nerval”, “Pour Tennessee Williams”, “Verlaine”, “Romain Gary”, “Rage et Rimbaud”; “Haine de la Grèce”, “Paris”, “Londres, trente ans plus tard”, “Manhattan”, “Poète en France”, “Souvenir de Normandie”.

Среди тропов у Боске преобладают метафоры, поражающие своей неожиданностью и броскостью. Боске увлекает читателя в головокружительную словесную игру, где порой бывает довольно трудно проследить за зигзагом абсурдистского вымысла. Возникающие при этом оппозиции слов снимаются катахрезами и оксюморонами. Приведем несколько примеров: “la fatigue végétale”, “un regard minéral”, “Liberté, mot qui s’est pendu”; “Ô corps incorporel”, “le vide est le trop-plein du vide”, “je suis né sans naissance”, “Dieu n’existe que traduit par un verbe, qui dit combien Dieu est intraduisible”.

Частотны у Боске-поэта неожиданные сравнения, олицетворения и гиперболы, например: “Tu ouvres dans tes yeux cet œil carré/Comme un cachot”, “L’enfer est quotidien comme une pomme”, “... tes duels plus gais que les bals travestis”, “console-moi je suis plus veuf/que ce violoncelle”, “les animaux trop domestiques”, “Mon univers, trop bien pensé/trop mal relu”.

Поэтика Боске разнообразна с точки зрения употребления фигур экспрессивного синтаксиса. Наряду с частым использованием поэтом антитезы можно отметить асиндетон, полисиндетон, градацию, деривационный повтор, полиптон, хиазм.

Словно руководствуясь мыслью о том, что “бесконечность глубже, когда она ограничена, и портрет закончен, когда вставлен в раму” [12, с. 139], Боске часто использует фигуру-каркас, которая держит целый текст. Обращает на себя внимание тяготение поэта к повтору и синтаксическому параллелизму (каждое второе стихотворение содержит повтор, а каждое третье – синтаксический параллелизм). Особенностью их употребления в индивидуальном стиле Боске является то, что они реализуются как внутри одного стиха, в разных стихах (не всегда смежных), так и на уровне строф и очень часто – целых стихотворений, выполняя архитектурную функцию. Обеспечивая целостность поэтических текстов, эти стилистические фигуры служат элементами, компенсирующими утрату рифмы, знаков препинания и т.д.

Характерной особенностью синтаксиса поэта является также использование риторического вопроса и большого количества вопросительных предложений. Стихи Боске – это стихи вопросов ушедшего столетия. Поэт и сам удивляется, в то ли столетие он угодил: “Je vis puisque je meurs, n’est-ce pas mon époque?”. Но, угодив, он стал частью европейской культуры.

Боске пишет в эпоху стяжения разнонаправленных тенденций. Он пробует разные манеры, сознательно вводит в ткань своих поэтических текстов заимствования из многообразных поэтических тенденций, меняет стиль. Даже версификационные предпочтения поэта подчинены его общеэстетической системе, представляя

собой феерию слов. Решающий этап поэтической карьеры Алена Боске был ознаменован появлением знаменитых четырех “Завещаний” (“Testaments”), где волнующая поэта тема крушения мира, а вместе с ним и поэзии передана с помощью рифмованных катренов александрийского стиха. “Завещания” перемежаются строфами верлибра. Более поздний цикл стихов “Notes” (1970-1974) знаменует оптимизм и веру поэта в силу стиха, что сопровождается “формальным ослаблением” – появляются стихотворения с неравным количеством стихов, где доминирующее положение занимает верлибр. Особое внимание поэт уделяет сложной форме сонета.

Вместе с версификационным строем меняется конструкция стихотворений, их синтаксис. Логически завершенные, развернутые двусоставные предложения уступают место укороченным, односоставным предложениям, насыщенным существительными, различными средствами выражения неопределенности, неясности. Такие словесные мазки-предложения напоминают живописные мазки художников-импрессионистов.

Динамика смысла и эстетическое воздействие подобных стихотворений поддерживаются и еще более подчеркиваются динамикой формы. Помимо той зрительной архитектоники, которую создают синтаксические фигуры и тропы Боске, особая роль в создании вертикали текста принадлежит стиховому переносу (анжамбану). Перенос, занимающий вторую часть первого стиха и первую часть следующего (*double-rejet* в традиционной французской классификации стиховых переносов [13, с. 94]), – еще одна из отличительных черт поэтики Алена Боске.

Переключка художественных решений демонстрируется в творчестве Боске и на уровне пунктуации: в одних стихах он не чурается традиционной расстановки знаков препинания, а в других и вовсе от них отказывается.

Попытаемся теперь определить место катахрезы в системе стилистических средств Алена Боске. В его поэзии нашли применение многие приемы, характерные для поэзии XX века вообще и для поэзии течений авангарда в частности. Они прежде всего представляют собой формы выражения *принципа неполной определенности*, являющегося одной из существенных особенностей поэтического языка вообще и языка поэзии XX века в особенности. Однако поэт пошел дальше других авангардных школ в сопоставлении несопоставимого, соединении разнородных качеств, сближении, казалось бы, принципиально чуждого, что выразилось, в первую очередь, в частом использовании им катахрез. Наибольшее количество катахрезных сочетаний обнаружено в сборнике “Je ne suis pas un poète d’eau douce” (тексты с катахрезой составляют 10 % от общего количества стихотворений).

Изучив семантические особенности катахрезных сочетаний поэтики Боске, мы пришли к выводу, что выявленная нами ранее общая для французской поэзии тенденция подразделения катахрез на три группы – катахрезы метафорического происхождения, катахрезы метонимического происхождения и катахрезы-парадоксы – сохраняется и в индивидуальном стиле поэта. Причем у него преобладают катахрезы-парадоксы (54 % от общего числа катахрезных сочетаний). Мир поэзии Алена Боске весь состоит из реалий окружающего нас мира, только эти реалии даны в неожиданных, на первый взгляд как бы случайных и произвольных, сочетаниях, носящих порой фантастический характер: “La rosée ce matin est terroriste”, “Les cadavres sont doux comme des primevères”, “Le deuil te va comme un cheval très gris”, “Mon âme sent l’insecte”, “la lune est démocrate” и т.п.

Присутствие катахрез в его стихах нельзя назвать случайным. Они гармонично вписываются в эстетическую систему мастера, где неожиданность и парадоксальность сближений являются средством передачи портретных черт современного мира, которые можно донести до читателя только в максимально сгущенном, сверхконцентрированном виде. “Чтобы целиком уместить в небольшом лирическом стихотворении весь наш мир, тысячекилометровый в пространстве и тысячелетний во времени, надо сдвинуть все планы, сместить все пропорции, сопрячь несопрягаемое, и тогда в столкновении контрастов вспыхнет та искра, которая яркой вспышкой озарит бездну под названием “жизнь” [14, с. 5].

Анализ функционирования катахрезы в стихотворениях Алена Боске показал, что катахрезные сочетания выполняют почти все функции, которые мы выделяли для катахрезы в художественном тексте [15].

Большое разнообразие частных стилистических функций, реализующих общие стилистические функции, представляет, на наш взгляд, наибольший интерес.

Появляясь в заголовке, например, в стихотворении “Le poème comestible”, катахреза составляет зачин, задает общую идею всего поэтического текста, выполняя при этом **интригующую функцию**. Интрига поддерживается на протяжении всего стихотворения, подхваченная цепным повтором, синтаксическим параллелизмом, эпифорой и полиптотом: “L’enfant attrape un papillon: cela se mange./Et le requin, l’enfant: cela se mange aussi./Et Dieu attrape le requin, pour le manger./À moins que ce ne soit – qui sait? – pour le principe”. На сцену опять выходят основные действующие лица театра Боске – Бог и Поэт, противоборство-единство которых поэт не устает воспевать. Автор вовлекает читателя в круговерть своих размышлений: “Mais Dieu, répondez-vous, qui donc le mangera./pour que la chaîne continue, et le poète/n’arrete pas son beau poème en plein milieu?”, **интимизируя** тем самым поэтический текст. Боске понимает, что на эти вопросы нет ответов. Завершающая стихотворение катахреза “les poèmes sont mangeables” образует кольцо, своеобразный Мебиус, где каждое последующее поколение будет безрезультатно пытаться найти ответ на эти вечные вопросы, каждый раз возвращаясь к отправной точке.

Катахреза зачастую выполняет **оценочно-характеристическую функцию** в поэтике Боске. Причем мы обнаружили одну закономерность: негативно- оценочная функция катахрезных сочетаний, подчеркивающих отрицательное отношение автора к описываемому, заметно превалирует над позитивно-оценочной. У Боске все мрачно: “la musique blessée”, “l’azur dégénéré”, “nos pensées toxiques”, “la neige hypocrite”, “l’altitude vomit”, “le blé croasse”, “l’île suicidée”. Эта “экзотика слова” [16, с. 62] чрезвычайно существенна, она направлена на создание ощущения безысходности, тоски по светлому и чистому, чувства отчаяния, удущья в этом мире, где даже “les gratte-ciel sentent l’alcool, trois fois vomit”. Патетика усиливается катахрезами, дающими краткую, точную характеристику нашего существования: “L’existence est saline”, “Cet univers est ton boudoir”.

Интенсификация эмоционального накала актуализируется катахрезами, **гиперболизирующими** негативное начало: “Un vendredi/Plus triste qu’un jardin blessé”, “une âme trop étroite”, “le ciel est trop carré”, “Trois arbres galopaient/Plus raides qu’un dimanche”. В этом абсолютном хаосе, царящем на земле, где “même ton corps est au conditionnel”, нет места счастью. Боске говорит о призрачном счастье, “la parentèse du bonheur”.

У Боске все классические категории смешиваются: прекрасное с безобразным, комическое с трагическим, возвышенное с низменным, образуя новую эстетическую категорию – категорию абсурдного. Абсурд ломает автоматизм восприятия благодаря новому взгляду на повседневную жизнь с целью понять ее, а не просто узнать.

Катахрезы Боске – еще одно проявление таланта поэта, буйства фантазии, умения воспринимать жизнь как диалектическое единство, где все противоречия живут, не разрушая, а создавая ее.

Такие примеры, как “Le carré pleure des larmes carrées”, “un horizon carré”, “Bleu qui est jaune”, “la cellulite heureuse” и др., где основной функцией катахрезы является **людическая функция**, заставляют вспомнить введенное Г. Аполлинером и активно использованное сюрреалистами понятие “ошеломляющий образ” (image stupéfiante) [17, с. 25]. Это образ резко поражающий, неожиданный, возбуждающий.

Катахрезу нельзя не заметить, но еще более яркой она становится, вступая в конвергентные отношения с другими экспрессивными средствами, выполняя **приемоактуализирующую функцию**. Например,

- с инверсией: “Verte est ma vérité”;
- с антиципацией: “S’il pleuvait, ciel verbal”;
- с оксюмороном: “Je dois vous réparer, femmes irréparables”;
- с зевгмой: “Pour me manger, lave-toi l’âme et les deux mains” и др.

Однако чаще всего катахреза конвергирует с синтаксическим параллелизмом и различными видами повтора, что обусловлено общей склонностью Боске к частому употреблению этих экспрессивных средств. Проиллюстрируем это несколькими примерами: “Au loin ce chat rouillé. Au loin/cet arbre qui se gratte. Au loin/cette île qui se prostitue/pour s’acheter un nom de femme”. Режущие слух катахрезы, включающие в свой состав слова с отрицательной коннотацией “rouillé”, “se prostituer”, сочетаются с синтаксическим параллелизмом и анафорой. В результате создается монотонный ритм, а ритмико-интонационная фигура анжамбмана вызывает чувство какой-то неизбежности. Внимание лирического героя постоянно переключается с одного предмета на другой, так что нельзя получить целостную картину мира, а это еще более нагнетает обстановку. Все объясняет следующая далее фраза: “Ici chacun de nous est mort”. Мы понимаем, что поэт описывает состояние души своего героя, касается человеческой драмы, а изображаемая им природа – не что иное, как кладбище душ.

Стихотворение “Rappelez-vous...”, написанное в форме сонета (с отступлением от канона: рифмы отсутствуют), пронизано тоской по былому, ностальгией по ушедшему детству и юности, по чистым краскам природы, по гармонии человеческих чувств. Драматическое звучание стихотворения усиливается с помощью антитестичного противопоставления настоящему с его старостью и болезнями. Это меланхолическое содержание скрывается за ритмическим рисунком, за видимой простотой синтаксического оформления, выражается на уровне лексики (повтор слова rappelez-vous, длинный ряд антонимов jadis-aujourd’hui, amour-prostate, gloire-pantoufles, roème-prose, âme-esprit) и морфологии (обыгрывание форм глагола chanter в оппозиции грамматических времен в Imparfait et Présent).

В этом стихотворном тексте сочетаются и взаимодействуют архитектурная и ритмико-мелодическая функции анафоры, синтаксического параллелизма и антитезы, экспрессивная функция полипотога и метафоры с людической функцией катахрез (je chante à peine ma prostate, quelques trous de prose, mon esprit ventru). Ядром получившейся конвергенции является, на наш взгляд, антитеза, подчиняя себе остальные синтаксические фигуры.

Для Боске вообще характерна тяга к иронии, особое умение высветить главное с помощью маскарада и шуток, повернуть самую серьезную мысль ее забавной стороной. И катахреза здесь – самое эффективное средство, особенно катахреза-парадокс.

Итак, мы попытались определить место катахрезы в поэтическом творчестве Алена Боске.

Мы выделили такие основные черты его идиостиля:

- стихотворение – самостоятельное целое; оно не передает ни чувств поэта, ни действительности, а создает свой мир: язык – материал поэзии (поскольку язык – материал живой, с длинным прошлым, он становит-

ся соавтором стихотворения. Именно поэтому результат творчества может выйти за пределы творца [18, с. 50]); образ Бога, Человека и Поэта - ключевые образы и сюжеты, проходящие через все творчество Боске;

- внутренний и внешний динамизм стихотворений, передаваемый с помощью различных стилистических и синтаксических средств;
- любовь поэта к стилистическим парадоксам, где оппозиции слов, взятых из самых несопоставимых пластов бытия, снимаются оксюморонами и катахрезами.

Поэтика Боске отличается богатством экспрессивных средств, где особое место отведено катахрезе. Катахрезу нельзя определить как доминантную черту, но зато как одну из самых ярких индивидуальных черт, формирующих идиостиль поэта.

Она легко вступает в конвергентные отношения с синтаксическим параллелизмом, различными видами повтора, инверсией, риторическим вопросом и др.

Отмеченными в поэтических сборниках Алена Боске функциями - функция характеристики, эмоционально выделительная, оценочно-характеристическая, людическая - не исчерпывается многообразие функций катахрезы в его творчестве. Но перечисленные функции, безусловно, играют важную роль в реализации потенций этой тропофигуры, организации текста и раскрытии идейно-художественного замысла поэтического произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М., 1969. – 606 с.
2. Береговская Э.М. Материалы к словарю “Выразительные средства языка и речи” / Э.М. Береговская // Риторика↔Лингвистика. Вып. 6: сборник статей. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 47-60.
3. Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М., 1998. – 464 с.
4. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
5. Никитина С.Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов / С.Е. Никитина, Н.В. Васильева; РАН Ин-т языкознания. – М., 1996. – 172 с.
6. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: на материале русской худож. литературы XVIII-XX вв.: в 2 т. / Н.В. Павлович. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 848 с.
7. Сковородников А.П. Из материалов энциклопедического словаря-справочника “Культура русской речи” / А.П. Сковородников // Речевое общение: специализированный вестник: Филологические дисциплины в высшей школе / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А.П. Сковородникова и Л.В. Фарисенковой. – Красноярск, 2005. – С. 119-128.
8. Хазагерев Т.Г. Общая риторика: курс лекций; словарь риторических приемов / Т.Г. Хазагерев, Л.С. Ширяева; отв. ред. Е.И. Ширяев. – Ростов н/Д., 1999. – 320 с.
9. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э.М. Береговская. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 208 с.
10. Боске А. Слова и Люди: пер. с фр. М. Кудинова / А. Боске. – М.: РИК “Культура”, 1994. – 131 с.
11. Вознесенский А. Предисловие к сборнику стихотворений А. Боске / А. Вознесенский // Боске А. Слова и Люди: пер. с фр. М. Кудинова. – М.: РИК “Культура”, 1994. – 131 с.
12. Нольман Ш.Л. Шарль Бодлер: Судьба. Эстетика. Стиль / Ш.Л. Нольман. – М.: Художественная литература, 1979. – 316 с.
13. Mazaleyrat J. *Éléments de métrique française*. – P., Librairie Armand Colin, 1974. – 232 p.
14. Винокуров Е. Предисловие к сборнику стихотворений А. Боске / Е. Винокуров // Боске А. Избранные стихотворения: пер. с франц. / Сост. М. Ваксмахера. – М.: Радуга, 1984. – 184 с.
15. Якутина О.Л. Особенности функционирования катахрезы во французской поэзии / О.Л. Якутина // Scripta manent: сборник научных работ студентов и аспирантов-филологов. – Смоленск: СмолГУ, 2006. – Вып. XIII. – С. 54-61.
16. Дикова Т.Ю. Рассказы Александра Грина 1920-х годов: (поэтика оксюморона): дис. ... канд. филол. наук / Т.Ю. Дикова. - Екатеринбург, 1996. – 245 с.
17. Балашова Т.В. Многоликий авангард / Т.В. Балашова // Сюрреализм и авангард: материалы российско-французского коллоквиума, состоявшегося в Институте мировой литературы. – М.: ГИТИС, 1999. – С. 22-33.
18. Кожевникова Н.А. Тропы О. Манделштама / Н.А. Кожевникова // Манделштамовские дни в Воронеже. – Воронеж, 1994. – С. 46-56.